

Двенадцатый год эры Небесного Предначертания великого государства Цзинь. Шла третья декада шестого месяца, и удушливый летний зной постепенно шёл на спад.

Двенадцатилетний Гу Сяодун стоял у врат столичного Чанло, растерянно глядя по сторонам. Названный брат Чжан Дэнцин, бывший на два года старше, крепко держал его за руку.

Мальчик до сих пор пребывал в оцепенении, раздавленный внезапным горем.

Всего месяц назад приёмный отец, чья затяжная болезнь так и не поддавалась лечению, испустил последний вздох на своём лекарственном подголовнике. Перед самой кончиной он достал нефритовый перстень и бережно увязанный узел, передав их на хранение родному сыну Чжан Дэнцину. После этого он подозвал Гу Сяодуна, крепко обнял его и неторопливо, преодолевая слабость, открыл тайну его происхождения.

Отец признался, что Сяодун вовсе не его родная кровь. Настоящее имя мальчика — Гу. Из тех самых Гу, к роду которых принадлежал хозяин столичного поместья, князь Чжэньбэй Гу Янь — один из трёх великих удельных правителей Цзинь, чьи семьи удостоились княжеского титула, не принадлежа к императорскому клану.

Двенадцать лет назад высококлассная наёмница предала свой клан и, спасаясь от безжалостной погони, добралась до Чанло. В отчаянии она укрылась в княжеском поместье Чжэньбэй. Прожив там скрытно около полугода, она родила сына — по чистой случайности в тот же день, когда на свет появился наследник княгини Чжэньбэй. Внезапный порыв уберечь собственную плоть и кровь от горькой судьбы толкнул беглянку на безумный шаг: она подменила младенцев. Однако вскоре враги выследили её и утащили обратно в орден вместе с похищенным княжеским сыном.

Этим несчастным дитя и был Гу Сяодун. До семи лет его растили в застенках этого ордена. Местный глава питал к наёмнице и её сыну лютую ненависть, но убивать мальчика не стал — вместо этого он выжимал из него все соки ради собственной выгоды. Гу Сяодуна пичкали сомнительными снадобьями, часами томили в лечебных ваннах, пока его хрупкое тело не превратилось в истинного «целебного человека». Теперь в его жилах текла чудодейственная целебная кровь, способная исцелять любые хвори.

На седьмой год его жизни в криминальном мире Поднебесной разразилась буря. Женщина-убийца перед тем, как забрать ненавистного главу ордена с собой в могилу, сумела выкрасть мальчика и передать его на попечение близкому другу.

Этим другом и оказался Чжан Канье. Он был превосходным лекарем, который, увы, не мог исцелить самого себя: застарелые раны и хвори постоянно мучили его. Не желая больше вязнуть в дрязгах мира рек и озёр, он воспользовался суматохой, забрал родного сына Чжан Дэнцина с приёмным Сяодуном и бежал. Сменив имена, они притворились бродячими торговцами-коробейниками. Пять долгих лет они вели простую жизнь, кочуя с места на место.

Но тучи над ними не рассеивались. Те немногие, кто прознал о чудодейственной целебной

крови мальчика, продолжали прочёсывать Поднебесную. Чжан Канье понимал: стоит ему испустить дух, как мальчишки останутся без защиты. Опасаясь, что враги рано или поздно выйдут на их след, он заклинал сыновей взять памятные вещи, отправиться в Чанло и открыть княжескому дому всю правду. Только так Гу Сяодун мог вернуть себе законное имя и укрыться под надёжной защитой княжеского рода Гу.

Чжан Дэнцин, уже рассуждавший совсем как взрослый, молча и твёрдо кивнул в знак согласия.

Что касается Гу Сяодуна, то у него не сохранилось ни единого воспоминания о детстве до семи лет, и услышанное повергло его в глубокое изумление.

В тот день, когда Чжан Канье отыскал его, мальчик тонул в огромном чане с лекарственным варевом, медленно уходя на дно в беспмятстве. Старик приложил невероятные усилия, чтобы вернуть его к жизни, но, едва открыв глаза, Сяодун начисто позабыл всё, что было до этой минуты. Избавленный от кошмаров прошлого, он рос весёлым и простодушным ребёнком, искренне веря, что приходится бродячему торговцу родным младшим сыном.

Гу Сяодун не хотел вникать в сложные интриги былого. Сквозь катившиеся из глаз слёзы он лишь спросил:

— Папа, почему ты раньше не сказал, что я целебный человек? Разве моя кровь не могла бы тебя спасти?

Объятия Чжан Канье сделались отчаянно крепкими. Перед лицом смерти груз грязных тайн былого, раскаяние и безграничная отцовская любовь сдавили ему грудь. Слов накопилось так много, что старик не смог вытолкнуть из горла ни одного членораздельного предложения. Он лишь крепче прижал к себе мальчика и с хриплым стоном выдохнул:

— Глупое ты дитя...

С этим словом он испустил последний вздох.

После кончины отца Чжан Дэнцин, верный его последней воле, предал тело огню, а прах бережно собрал в ореховую шкатулку тонкой работы. Без малейшего промедления братья двинулись в долгий путь на север. Последние пять лет они прожили в восточных землях великой Цзинь, славившихся своими речными краями. Дорога на север растянулась на тысячи ли, заставив их познать все тяготы странствий: спать приходилось под открытым небом, довольствуясь случайной едой. И вот наконец они у цели.

Величественная столица была обнесена тремя рядами исполинских стен — словно три небесных рубежа преграждали путь чужакам. Братья стояли лишь у самых первых, внешних ворот. Дом же князей Гу находился глубоко за третьей стеной, в западном районе города, где селились исключительно именитые сановники и титулованная знать.

Гу Сяодун никогда прежде не видел подобных укреплений и застыл с разинутым ртом. Его спутник Чжан Дэнцин держался куда увереннее: он молча предъявил страже заранее заготовленный пропуск и, крепко сжимая ладонь брата, увлёк его за собой в городские кварталы. На первое время они устроились на тихом постоялом дворе по соседству.

С наступлением темноты мальчики улеглись спать валетом на одной узкой кровати. Гу Сяодун принялся теревить брата за ногу:

— Брат, а Чанло-то просто огромный.

Чжан Дэнцин слегка похлопал его по колену:

— Не боишься?

— Да нет, сойдёт. Брат, я просто по отцу скучаю. Будь он жив, мы могли бы открыть здесь лавку. Тут столько народу, торговля точно пошла бы в гору.

Гу Сяодун отличался редкой болтливостью. Даже когда сон уже клонил его к подушке, он продолжал теревить брата и шёпотом делился своими детскими мечтами о спокойной купеческой жизни.

Чжан Дэнцина одолевали тяжёлые думы, и от безыскусных речей брата у него щемило сердце. Наконец он мягко осадил его:

— Завтра я пойду разузнать про поместье князя Чжэньбэй... Сяодун, когда ты вернёшься в семью Гу, о наших кочевых деньках лучше помалкивать. Простые торговцы и столичная знать — птицы совершенно разного полёта.

Сяодун послушно ткнулся лбом в его ногу:

— Ладно. Буду вспоминать об этом только про себя, а язык держать за зубами.

Чжан Дэнцин тихонько вздохнул, и давившая на плечи тревога слегка отступила. Он пожурил брата, заставляя укладываться, а сам принялся мысленно взвешивать все возможные исходы.

Перед смертью отец успел поведать ему куда больше подробностей. На самом деле в опасности находился не только Гу Сяодун, которого разыскивали рыскавшие по следу разбойники. Сам Чжан Дэнцин тоже ходил под смертью. У Чжан Канъе хватало кровных врагов в мире боевых искусств, а тамошний люд свято чтит правило мести: долги отцов всегда переходят на детей. Попадись он старым недругам — и распрощается с жизнью ещё быстрее, чем Сяодун.

При одной мысли об этом Дэнцину становилось тошно. Родной отец оставил ему слишком

опасное наследство. Да и приёмная мать Сяодуна, безрассудная воительница, своими проделками лишь усугубила дело.

Сяодун быстро уснул, уткнувшись носом в одеяло — тёплый и доверчивый, словно щенок. Ему снилось тихое журчание речной воды, в то время как Чжан Дэнцин даже во сне слышал тревожный стук счётов.

Наутро Чжан Дэнцин сразу отправился на поиски сведений. Будучи с малых лет приученным к дорожной торговле, он прекрасно ориентировался в людских нравах. Три дня кряду он без усталости рыскал по столичным улицам, натерев на подошвах огромные мозоли, но всё же сумел собрать богатый урожай слухов.

Вечером на постоялом дворе Гу Сяодун, насупившись, принялся растирать ему уставшие ноги лекарственным снадобьем:

— Брат, я ведь тоже мог пойти поспрашивать! Зачем ты всё взвалил на себя? Глянь на свои сапоги, у них же подошва почти до дыр стёрлась!

Чжан Дэнцин лишь тяжело вздыхал, то и дело перелистывая замусоленный блокнот. Собравшись с мыслями, он притянул брата к себе и принялся подробно рассказывать о делах княжеского дома Гу.

Нынешним главой рода являлся князь Чжэньбэй Гу Янь, унаследовавший титул от предков. К настоящему времени он сдал командование войсками и довольствовался почётной должностью, не дававшей реальной власти в столице. Княгиня Чжэньбэй, госпожа Ань, происходила из почтенного рода книжников и жила с супругом душа в душу. Они воспитали двух дочерей и троих сыновей:

Старшая дочь уже успела выйти замуж; второй, Гу Жухуэй, шёл семнадцатый год, и для неё как раз подыскивали партию; шестнадцатилетний третий сын, Гу Пинхань, носил титул наследного княжича; а самому младшему, пятому сыну Гу Шоуи, едва исполнилось семь лет.

Четвёртым же сыном — по крайней мере, на бумаге — числился Гу Цзиньюй. Именно он занял место Сяодуна, став фальшивым молодым господином.

— Ого, — восторженно перебил его Гу Сяодун. — Какие у них красивые имена!

Чжан Дэнцин опешил:

— А моё, выходит, некрасивое?

— Да нет, твоё тоже ничего, угу.

Дэнцин отвесил ему лёгкий щелбан:

— Не сбивай меня, болтун! Дай сначала договорить!

Сяодун смешно втянул голову в плечи, но глаза его по-прежнему горели любопытством.

— В семье Гу разве что самый младший, Гу Шоуи, ещё слишком мал, чтобы о нём судачили на улицах. Все прочие — птицы высокого полёта. Про самого князя с княгиней и говорить нечего, но их вторая дочь метит в невесты члену императорской семьи. Пусть помолвка ещё не состоялась, шансы у неё велики. Третий сын через два месяца отправляется на осенние государственные экзамены; говорят, талантом обделён не был, так что сдаст наверняка. Но больше всех преуспел тот шельмец, что занял твоё место.

Дэнцин сделал многозначительную паузу.

— Всего три месяца назад он выдержал испытания в столичную Императорскую академию, став самым юным её учеником. Не прошло и двух месяцев, как сама наследная принцесса выбрала его компаньоном по учёбе!

Чжан Дэнцин озабоченно свёл брови к переносице:

— Слишком уж он ловок. В столь нежные лета — и уже снискал такое признание. Не думаю, что князь Чжэньбэй захочет прогнать такого вундеркинда ради призрачных уз крови... В этой семье каждый первый — кремень, а уж Гу Цзиньюй и вовсе из ряда вон выходящий. Ты же у нас, Сяодун, простоват да глуповат, и толку от тебя — одна смазливая мордашка. Куда тебе с ним тягаться?

Сяодун озадаченно поскрёб в затылке и совершенно серьёзно ответил:

— Но я ведь тоже парень не промах! Брат, я же целебный человек, моя кровь любые хвори лечит...

У Дэнцина расширились зрачки. Он мгновенно зажал брату рот ладонью и яростно зашептал:

— Придурок! Забыл дорожное правило — не свети добром? Отец раскрыл тебе тайну лишь для того, чтобы ты понимал, в какое дерьмо вляпался, и берёгся негодяев, жаждущих твоей целебной крови! Знай про себя, но помалкивай! Об этом секрете знаем только мы двое, и ни одна живая душа больше слышать не должна! Ты уяснил это или нет?!

Сяодун поспешно закивал. Только после повторных предостережений Дэнцин нехотя отпустил его. Взглянув на кроткую растерянность на лице брата, он внезапно почувствовал, как у него перехватило дыхание от жалости.

Опасный мир рек и озёр — логово тигра, а княжеский дом Гу — драконий омут. Как же этому простофилю выжить среди них?

Пролетело ещё восемь дней. Наступило седьмое число седьмого месяца — не просто Праздник влюблённых Циси, но и великая историческая веха. В этот день сто лет назад тогдашний правитель Цзинь впервые в истории провозгласил своим супругом мужчину и назначил наследную принцессу. С тех пор в государстве мужчина мог стать императорским супругом, а женщина — взойти на престол. Вот и ныне в Восточном дворце правила старшая дочь покойного государя.

Празднество отмечалось с невероятным размахом. Весь Чанло буквально бурлил, расцвеченный тысячами ярких бумажных фонариков. Чжан Дэнцин рассудил, что эта суматоха им на руку. Собрав пожитки, в самый полдень они миновали внутренние ворота и, затерявшись в толпе гуляк, вышли к княжеской усадьбе рода Гу.

Закинув узел на плечо, Чжан Дэнцин первым направился к главным воротам. Он обратился к грозному привратнику усадьбы, представившись дальним родственником, пришедшим просить приюта. Но не успел парень даже вытащить верительный перстень, как слуга разразился площадной бранью, обозвав его паршивым попрошайкой, и с ходу отвесил сокрушительный пинок.

Дэнцин с малых лет познавал азы кулачного боя, так что от удара уклонился без труда, однако потерял равновесие и кубарем покатился по каменным ступеням. Вернулся он к притаившемуся брату прихрамывая. Всё шло по плану: Чжан Дэнцин знал, что под вечер всё семейство Гу соберётся на праздничный приём. Если не удастся пройти через ворота, они перекроют дорогу княжескому выезду и покажут перстень прямо на глазах у толпы — тогда хозяевам усадьбы волей-неволей придётся выслушать просителей.

Улица кипела жизнью. Укрывшись вместе с Сяодуном в неприметной подворотне, Дэнцин терпеливо выжидал. К воротам поместья то и дело подкатывали роскошные экипажи; богатые господа в расшитых золотом шелках казались яркой, переливающейся рекой. Спустя какое-то время у входа остановились две кареты, из которых в сопровождении слуг вышел юноша примерно их лет. Даже издали было видно, насколько он благороден и утончён.

Чжан Дэнцин покосился на стоявшего рядом Гу Сяодуна. Готовясь к сегодняшнему дню, он изрядно потратился, чтобы прилично одеть брата. Черты лица у Сяодуна были безупречными, тонкими и чистыми, но стоило взять его за руку — ладонь утыкалась в жёсткие мозоли, да и кожа за время двухмесячного пути успела заметно потемнеть от загара.

Сяодун с глуповатым видом уставился на его ногу:

— Брат, сильно ушибся?

Дэнцин напускным жестом похлопал себя по штанине:

— Пустяки! У богатеев слуги ленивые да жирные, пинаются неповоротливо. Я от его ноги ушёл лёгким прыжком.

Сяодун, успевший перенять у приёмного отца основы врачевания, сразу заметил неладное:

— Да ладно тебе заливать! Ты же прихрамываешь при каждом шаге, точно по сухожилию попал. Давай вернёмся, я тебе ногу разомну.

— Балда, говорю же — всё целое! Упускать такой шанс глупо, другого может и не быть!

Дэнцин берёт праздничное платье брата, поэтому не стал, как делал обычно, трепать его по загривку. Сяодун же, по-собачьи ластясь, осторожно коснулся его лодыжки. В его взгляде промелькнула редкая для него серьёзность:

— Брат, а нам так уж нужно возвращаться в эту семью?

Дэнцин осёкся, у него перехватило дыхание.

Не успел он вымолвить и слова, как краем глаза уловил движение у ворот. Давешний наглый слуга торопливо сбежал по ступеням навстречу невзрачному простому экипажу, медленно катившемуся по мостовой.

Чжан Дэнцин наострил уши и расслышал донёсшийся до них подобострастный голос привратника:

— Четвёртый молодой господин.

Дэнцин резко нахмурился, потянул Сяодуна за рукав и зашипел:

— Сяодун, гляди! Там, в повозке — Гу Цзиньюй! Он вернулся!

Гу Сяодун высунул голову из-за спины брата, разглядывая скромный экипаж. Оценив поникший вид левой ноги Дэнцина, мальчик прикинул что-то в уме и весь подобрался, готовясь сослужить брату хорошую службу и устроить знатный переполох.

Простой экипаж двигался неторопливо. Находившийся внутри юный Гу Цзиньюй сидел, опустив веки. На заискивающий лепет бежавшего рядом слуги он никак не реагировал, замерев безмолвным изваянием.

Внезапно снаружи поднялся шум. Кучер и слуга принялись наперебой кого-то грубо отгонять, но сквозь их басовитую ругань отчётливо пробился звонкий, чистый детский голосок:

— Гу Цзиньюй! Гу Цзиньюй, выходи! Я на тебя посмотреть хочу! Я —

Гу Цзиньюй нехотя разомкнул веки. Суматоха снаружи нарастала, пока звонкий призыв внезапно не оборвался приглушённым вскриком от боли.

С совершенно бесстрастным лицом он приоткрыл створку окна. Но стоило ему высунуться наружу, как на губах сама собой появилась привычная мягкая улыбка:

— Что здесь стряслось?

Он увидел двоих мальчишек у колеса. Тот, что постарше, яростно отчитывал привратника за рукоприкладство. Младший же свернулся клубочком, обеими руками зажимая живот; короткий хвостик на его круглой макушке мелко подрагивал. Услышав голос, он поднял круглое, румяное личико, и его ясные глаза радостно сощурились.

— Гу Цзинь... Цзиньюй! — преодолевая боль, мальчик упрямо заулыбался и помахал ему рукой.
— Привет! Я Сяодун, мы с тобой родились в один день, один месяц и один год!

Гу Цзиньюй безучастно смотрел на него сверху вниз, проникаясь лишь ледяным пренебрежением. На душе у него было абсолютно спокойно.

Но пройдут годы...

И он до безумия уверует в одну простую истину. Люди часто повторяют клятву: «Не просим родиться в один день, просим в один день умереть». Но раз уж само небо связало их с Гу Сяодуном великой тайной рождения в один день, один месяц и один год, то уйти за грань рука об руку — виделось ему единственным естественным исходом.

<http://bllate.org/book/20609/2105901>